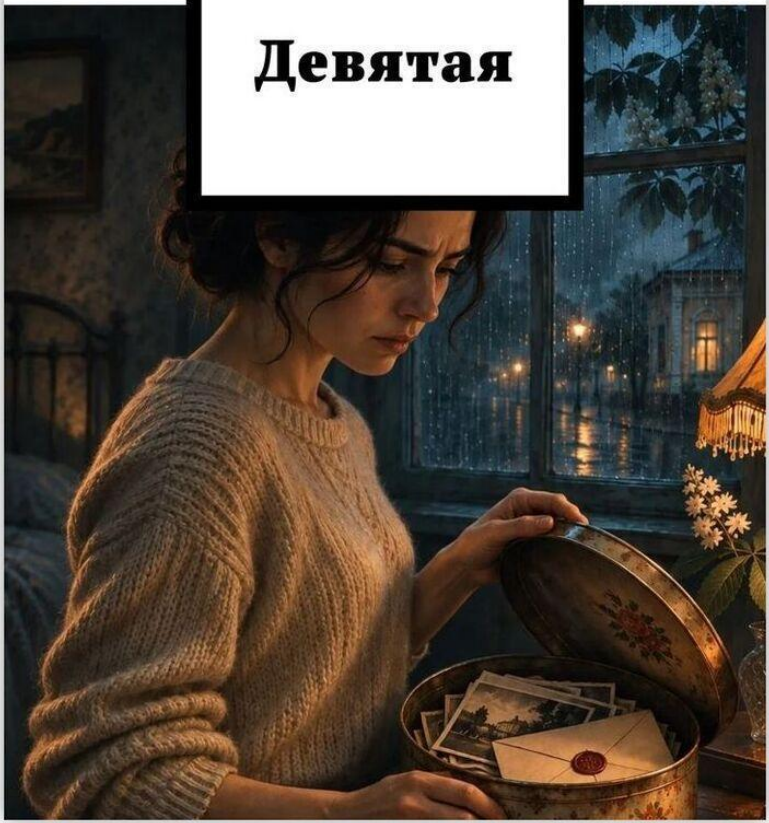
18+

Марк Вересов

Девятая



Марк Вересов
Девятая

https://litres.ru/74834482
ISBN 9785007161862

Аннотация

Двадцать два года Анна считала младшую сестру Веру погибшей во время наводнения. Но после смерти матери она находит письмо, способное разрушить прошлое: Вера жива и носит другое имя. Поиски сестры приводят Анну к поддельным документам, семейным тайнам и загадочной смерти человека, знавшего правду.

«Девятая» — психологический детектив о предательстве, любви и цене многолетнего молчания. Первая часть дилогии.

Содержание

МАРК ВЕРЕСОВ 5
Глава 1. Женщина на фотографии 8
Глава 2. Человек, который сохранил лист 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Девятая

Марк Вересов

© Марк Вересов, 2026

ISBN 978-5-0071-6186-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАРК ВЕРЕСОВ
ДЕВЯТАЯ
Книга первая
Психологический детектив
Пролог. Красный плащ

19 августа 2004 года

В ту ночь река поднялась так быстро, что взрослые не успели договориться, кого спасать первым.

Анне Орловой было десять лет. Она стояла по колено в мутной воде, прижимая к груди чужой школьный рюкзак, и смотрела на лестницу, исчезавшую в темноте.

Снизу плакали дети.

— Аня! — кричала воспитательница. — Отойди от двери!

Но Аня не могла отойти. Там, внизу, оставалась её сестра.

Трёхлетняя Вера боялась грозы. Ещё она боялась больших собак и зелёного чудовища, которое, по её словам, жило в стиральной машине. Перед сном Вера всегда просила Аню проверить, закрыта ли дверца.

Утром они поссорились из-за красного дождевика. Вера хотела надеть его в жару, а Аня сказала, что она маленькая глупая девчонка.

Последними словами, которые сестра от неё услышала, были:

— Отстань от меня.

Теперь Аня готова была отдать всё, лишь бы сказать что-нибудь другое.

Лампочка под потолком мигнула.

С лестницы донёсся удар. Будто огромный человек толкнул дверь плечом.

— Держитесь за перила! — крикнул мужчина с верхней площадки.

Вода добралась Ане до пояса. Она уронила рюкзак и протянула руку в темноту.

Кто-то ухватился за её пальцы.

Маленькая ладонь. Холодная. Скользкая.

— Вера?

В ответ послышался кашель.

Аня потянула изо всех сил. Перед ней возникло бледное детское лицо, мокрые волосы прилипли ко лбу. Красный плащ распахнулся, и течение с силой ударило девочку о перила.

— Держись!

Она держалась.

До тех пор, пока сверху не раздался треск.

Аня подняла голову.

В потолке раскрылась чёрная трещина.

Кто-то схватил её за воротник и рванул назад. Маленькая

рука выскользнула из её пальцев.

В следующий миг лестницу поглотила вода.

⁂

Через три дня взрослые сказали, что Вера погибла.

Через неделю её похоронили в маленьком белом гробу.

Аня не плакала на похоронах. Она смотрела на фотографию сестры и думала только об одном: в ту ночь она не увидела лица девочки, которую пыталась удержать.

Прошло двадцать два года, прежде чем она поняла, почему это было важно.

Глава 1. Женщина на фотографии

Ноябрь 2026 года

После смерти матери в доме осталось столько вещей, что Анна впервые подумала: человек, наверное, умирает не сразу.

Сначала перестаёт отвечать на звонки. Потом окружающие разбирают его одежду. Потом исчезает зубная щётка из стакана, а из холодильника — банка варенья, которую никто, кроме него, не любил.

И только когда кто-то выбрасывает последнюю исписанную тетрадь, смерть становится окончательной.

Тетради Анна решила не выбрасывать.

Она приехала в родной Астаховск в пятницу утром, взяла на работе несколько дней отпуска и к вечеру успела разобрать только половину материнского шкафа.

Дом стоял на тихой улице у старого парка. За забором чернели мокрые каштаны. Ветки стучали по крыше, и этот звук Анна помнила с детства лучше, чем голос отца.

В Москве её ждали редакция, незаконченный материал о частных клиниках и квартира, в которой она прожила семь лет, так и не повесив ни одной семейной фотографии.

Здесь её ничего не ждало.

Разве что запах лаврового листа, въевшийся в кухонные

шкафчики.

Анна открыла нижний ящик комода.

Под аккуратно сложенными полотенцами лежала жестяная коробка из-под печенья. На крышке сохранилась надпись: «Счастье в мелочах».

Мать любила такие коробки. В одной хранились пуговицы. В другой — квитанции за коммунальные услуги. В третьей, как выяснилось после её смерти, лежали сорок три тысячи рублей и записка:

«На всякий случай. Не трать на глупости».

Анна взяла коробку в руки.

Внутри оказались фотографии.

На первой девочка лет одиннадцати стояла на автобусной остановке с тяжёлым рюкзаком за плечами. Снимок был сделан издалека, через дорогу. Девочка смеялась, отводя мокрые волосы от лица.

На второй, уже подростком, она выходила из продуктового магазина в школьной куртке.

На третьей сидела в кафе у окна — взрослая женщина с усталыми глазами. Три разных возраста, три чужих мгновения. И всё же Анна постепенно находила одно и то же выражение бровей, ту же привычку отворачиваться от камеры.

Анна перевернула фотографии.

На обороте первой было написано:

2012. Восемь лет.

На второй:

2018. Четырнадцать лет.

На последней:

Сентябрь 2025. Двадцать один год.

Анна нахмурилась.

На первом снимке девочке было около одиннадцати, на втором — семнадцать, на последнем — двадцать четыре. А надписи говорили о восьми, четырнадцати и двадцати одном годе.

Анна мысленно вычла из каждого года указанное число. Получалось одно и то же: две тысячи четвёртый. Мать отсчитывала не возраст девушки. Она считала годы с ночи наводнения.

Внизу лежал конверт, запечатанный белой бумажной полоской. Почерк матери Анна узнала сразу — аккуратный, с характерными крючками у букв «д» и «у».

«Ане. Только когда меня не станет».

Анна села на пол.

Долгое время она смотрела на конверт и вспоминала последний разговор с матерью.

— Приезжай хотя бы на выходные.

— Мам, у меня работа.

— У тебя всегда работа.

— В следующем месяце точно приеду.

Мать умерла через девять дней.

От инсульта. В больнице, куда её увезли прямо с кухни. Соседка потом рассказала, что в тот вечер Елена Орлова ис-

пекла пирог с яблоками — любимый Анин.

Анна сорвала бумажную полоску.

Внутри было два листка.

Анечка.

Если ты читаешь это письмо, значит, я так и не сумела набраться смелости.

Я знаю, что ты не простила себе ту ночь. И знаю, сколько раз ты спрашивала меня, можно ли было спасти Веру.

Все эти годы я отвечала, что нельзя.

Я лгала.

Анна перечитала последнюю строчку.

Потом ещё раз.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене, на мгновение осветив старые часы.

Она заставила себя читать дальше.

Я не знаю, как рассказать тебе всё так, чтобы ты меня не возненавидела. Да, наверное, и не нужно искать правильных слов.

Вера выжила.

Её зовут Дарья Корнева. Она живёт в нашем городе.

Я узнала об этом много лет назад.

И ничего не сделала.

Бумага выскользнула из пальцев и легла на пол между открытыми ящиками.

Анна смотрела на фотографию молодой женщины.

У той была широкая улыбка и чуть приподнятая левая

бровь. Точно так же улыбался отец, когда пытался скрыть раздражение.

Анна взяла последнюю фотографию и приблизила к глазам.

На запястье женщины виднелся небольшой светлый шрам в форме полумесяца.

Вере было два года, когда она опрокинула чашку горячего чая. Шрам остался навсегда.

Анна поднялась так резко, что ударилась плечом о дверцу шкафа.

Всё происходящее вдруг стало похоже на сон. Не страшный и не хороший — просто такой, из которого невозможно проснуться.

Она набрала номер матери.

Телефон был отключён.

Анна засмеялась. Коротко, некрасиво.

Конечно, отключён.

Она сама попросила отключить номер утром, перед поездкой в Астаховск.

На обороте письма стояло ещё несколько слов:

Если захочешь узнать, что произошло, найди Николая Руднева. Он сохранил девятый лист.

И, Аня…

Пожалуйста, не думай, что я не любила вас обеих.

Анна так и осталась стоять посреди комнаты с фотографией в одной руке и письмом в другой.

Двадцать два года она приходила на кладбище с цветами.

Двадцать два года рассказывала знакомым, что у неё была младшая сестра.

Двадцать два года мучила себя вопросом, почему не удержала маленькую ладонь.

А теперь выходило, что Вера всё это время жила в том же городе, где стоял её памятник.

И мать знала.

⁂

В половине одиннадцатого Анна нашла в интернете страницу Дарьи Корневой.

Та работала преподавателем рисования в детской художественной школе. На странице было много фотографий: ученические рисунки, осенние выставки, море, кошка с надменным выражением морды.

На одном снимке Дарья держала за руку маленького мальчика лет пяти.

«Самое большое счастье моей жизни», — значилось под фотографией.

Анна задержала палец над экраном и впервые попыталась представить себе пять лет, которых не было в её собственной памяти.

У неё был племянник.

Возможно.

Она ничего о нём не знала.

В тот вечер Анна написала Дарье сообщение.

«Здравствуйте. Меня зовут Анна Орлова. Я хотела бы с вами поговорить. Это касается событий августа 2004 года».

Палец завис над кнопкой отправки.

Она представила, как незнакомая женщина читает сообщение за ужином. Как спрашивает мужа, кто такая Анна Орлова. Как открывает фотографию профиля.

И вдруг Анна поняла, чего боится больше всего.

Не того, что Вера её не узнает.

А того, что Вера окажется счастливой.

Потому что тогда ей придётся признать: все эти годы счастье сестры существовало без неё.

Она отправила сообщение.

Через четыре минуты появился ответ.

«Не пишите мне больше. Я знаю, кто вы».

И сразу следующее:

«Моя мать предупреждала, что вы когда-нибудь появитесь».

Глава 2. Человек, который сохранил лист

Утром Анна поехала искать Николая Руднева.

Его адрес нашёлся в старой записной книжке матери. На полях, рядом с номером телефона, было написано:

«Он единственный, кто видел обеих».

Слово «обеих» Анна обвела пальцем.

Дорога к дому Руднева проходила через центр Астаховска. Город изменился за годы её отсутствия, но по-прежнему умел выглядеть одновременно курортным и уставшим. Новые кофейни соседствовали с облупленными фасадами, у театра стояли пальмы в кадках, а за главной улицей начинались дворы, где бабушки в шерстяных кофтах продавали хурму.

Руднев жил в двухэтажном доме возле железной дороги.

Анна позвонила в дверь.

Никто не ответил.

Она уже собиралась уйти, когда из соседней квартиры выглянула пожилая женщина.

— К Николаю Ефимовичу?

— Да.

Женщина перекрестилась.

— Царствие небесное.

У Анны похолодели руки.

— Что значит?

— Нашли его позавчера. Пятого ноября. Там, возле старой насосной станции. Говорят, несчастный случай.

Соседка говорила ещё что-то, но Анна уже не слушала.

Она вспомнила слова матери:

Он единственный, кто видел обеих.

Теперь этот единственный человек был мёртв.

⁂

В следственном отделе её встретил мужчина в серой рубашке с закатанными рукавами.

— Орлова Анна Сергеевна?

— Да.

— Следователь Соколов. Кирилл Андреевич.

Ему было около тридцати пяти. Ничем особенно грозным он не отличался: усталое лицо, коротко стриженные волосы, старая царапина возле подбородка. На столе стоял стакан остывшего чая, рядом лежали два мандарина.

Он заметил, куда Анна смотрит.

— Угощайтесь.

— Спасибо. Я не за мандаринами.

— Уже понял.

Анна не любила правоохранителей, которые разговаривали с журналистами так, словно каждый вопрос был попыткой проникнуть в государственную тайну.

Но Соколов не торопился от неё отделаться.

Он внимательно изучил фотографии и письмо матери.

Несколько раз возвращался к одной и той же строчке.

— Когда умерла Елена Викторовна?

— Девятнадцатого октября.

— А последний раз с Рудневым она общалась когда?

— Не знаю.

— Они были знакомы раньше?

— Судя по всему.

Он сделал пометку.

— Вы хотите сказать, что погибшая в две тысячи четвёртом году сестра на самом деле жива?

— Я хочу сказать, что моя мать оставила мне письмо. И что человек, который мог всё объяснить, умер за несколько дней до моего приезда.

— Это разные вещи.

— Правда? Мне кажется, довольно связанные.

Соколов поднял глаза.

— Возможно, связанные. Но пока нам это нужно установить.

Анна выпрямилась на стуле, не убирая руку с материнского конверта.

— Вы хоть понимаете, что я сейчас чувствую?

— Нет, — ответил он.

Она не ожидала такого ответа.

— Я могу догадываться, — продолжил Соколов. — Но если начну уверять, что понимаю, вы справедливо решите, что я вру.

Анна впервые посмотрела на него без злости.

— Руднева убили?

— Мы проверяем обстоятельства смерти.

— Это уклончивый ответ.

— Это единственный ответ, который я сейчас могу дать.

Он аккуратно сложил фотографии.

— Вы не против, если мы приобщим копии к материалам проверки? Оригиналы останутся у вас до оформления их изъятия, если потребуется.

— Не против.

Соколов помолчал.

— Я помню наводнение.

— Многие помнят.

— Я видел вас тогда.

Анна подняла голову.

— Где?

— Во дворе больницы. Вам кто-то дал большое серое одеяло. Вы сидели на ступенях и всё спрашивали, нашли ли вашу сестру.

На секунду перед глазами возникло мокрое одеяло. Грязь под ногтями. Чужие резиновые сапоги.

— А вы кто были?

— Мальчишка из волонтёрской группы. Таскал коробки с водой. Мне было тринадцать.

Анна опустила взгляд.

— Я вас не помню.

— Тогда было не до меня.

Он подвинул ей лист бумаги.

— Напишите всё, что вы знаете. Не то, в чём уверены сейчас. А именно то, что помните сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.